

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 1 (82). С. 82–98.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2025. Vol. 1 (82). P. 82–98.

Научная статья
УДК 321
doi: 10.54398/1818-510X.2025.82.1.009

ОСОБЕННОСТИ ПОДХОДОВ К ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ЗА РУБЕЖОМ И В РОССИИ

Никифоров Александр Андреевич

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
nikiforov@politpro.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8754-9933>

Аннотация. Исследование посвящено анализу цифровизации государственных услуг в различных странах, включая Соединённые Штаты, Европейский Союз, Россию, Китай и развивающиеся страны, такие как Индонезия, Нигерия и Боливия. Целью работы является определение особенностей подходов, положенных в основу цифровой трансформации государственного управления как на уровне страны, так и на уровне городского управления. Исследование носит обзорный характер и основывается на отчётах международных организаций о характере цифровой трансформации государственного управления, прикладных исследованиях имплементации стратегии цифрового государства и инструментов электронного правительства в отдельных странах и регионах. В ходе анализа определяются достижения и препятствия в процессе внедрения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), а также влияние этих инициатив на взаимодействие между государством и гражданами. В статье определены такие общие стратегические повестки и проблемы, как доступ граждан и организаций к открытым данным; способность адаптироваться и предоставлять возможности конструктивного вовлечения граждан в процесс принятия решений; поддержание доверия граждан к цифровым государственным сервисам; преодоление цифрового неравенства. Результаты регионального и странового анализа указывают на необходимость приоритета адаптивности и прозрачности цифровизации государства, а также продуманного и эффективного включения граждан в данные процессы. Логичным выводом становится необходимость расширения стратегий цифровизации посредством учёта местных условий и потребностей, международного сотрудничества в рамках решения задач устойчивого развития.

Ключевые слова: цифровизация, цифровое государство, электронное правительство, государственные услуги, умный город, интернет вещей, блокчейн, большие данные, стратегия, институты, граждане

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10049 «Государство и гражданин в условиях новой цифровой реальности».

Для цитирования: Никифоров А. А. Особенности подходов к цифровой трансформации государственного управления за рубежом и в России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 1 (82). С. 82–98. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2025.82.4.009>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

ASPECTS OF APPROACHES TOWARDS DIGITAL GOVERNANCE TRANSFORMATIONS
IN FOREIGN COUNTRIES AND RUSSIA

Alexandr A. Nikiforov

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia,
nikiforov@politpro.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8754-9933>

Abstract. The study analyzes the digitalization of public services in various countries, including the United States, the European Union, Russia, China and developing countries such as Indonesia, Nigeria and Bolivia. The aim of the work is to identify the features of the approaches underlying the digital transformation of public administration both at the national level and at the level of urban management. The research is based on reports from international organizations exploring digital transformation of public administration, applied research on the implementation of the digital state strategy and e-government tools in specific countries and regions. The analysis identifies achievements and obstacles in the implementation of information and communication technologies (ICT), as well as the impact of these initiatives on the interaction between the state and citizens. The article identifies such common strategic agendas and problems as the access of citizens and organizations to open data; the ability to adapt and provide opportunities for constructive involvement of citizens in the decision-making process; maintaining citizens' trust in digital public services; overcoming digital inequality. The results of the regional and country analysis indicate the need to prioritize adaptability and transparency of the digitalization of the state, as well as thoughtful and effective inclusion of citizens in these processes. A logical conclusion highlights the need to expand digitalization strategies by taking into account local conditions and needs, and international cooperation in addressing sustainable development challenges.

Keywords: digitalization, digital state, e-government, public services, smart city, IoT, blockchain, big data, strategy, institutions, citizens

Acknowledgments: the research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project no. 22-78-10049 “The state and the citizen in the new digital reality”).

For citation: Nikiforov A. A. Aspects of approaches towards digital governance transformations in foreign countries and Russia. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2025, no. 1 (82), pp. 82–98. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2025.82.1.009>.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Информационные технологии по мере развития стали занимать место, предоставляющее возможность достижения глобальных ориентиров публичного управления: управляемости, устойчивости, эффективности, определяя, таким образом, возможность перехода от организационно-коммуникативного и функционального измерения управления к построению интегрированной системы, в которой на передний план выходят цифровые платформы и реализуется принцип распределенного сетевого взаимодействия [10].

Прежде всего речь идёт о цифровой трансформации государственного сектора, в котором информационные технологии позволяют неуклонно совершенствовать качество услуг населению, делая организации более эффективными и доступными для запросов граждан и НКО через доступ и обмен информацией, дистанционное взаимодействие и участие в подготовке решений. За этим следует изменение организационной культуры, совместное участие и вовлечение граждан и стейкхолдеров [16; 19] в управленческие процессы, что меняет исключительно технологический или организационный аспект цифровизации на многофакторный, когда эволюция классических подходов нового публичного менеджмента соседствует с принципами учёта технологического воздействия, системного сдвига, с необходимостью адаптации к организационной дискретности и утверждением ценности целостной коэволюции [20].

Освоение технологий и управленческих компетентностей в области электронного правительства устанавливают новые глобальные индикаторы развития, определяя современные требования к организационной и государственной способности, особенно при реализации проектов цифровой трансформации на муниципальном уровне [18].

Теоретико-методологическая база исследования

Теоретической основой исследования выступают работы, изучающие различные аспекты цифровизации государственного управления на общенациональном и муниципальном уровне в Северной Америке, странах Европейского Союза, Китае, России, развивающихся странах Юго-Восточной Азии и странах Африки. Обзор полученных за последнее время результатов позволяет сформировать общее представление о сформированных стратегиях цифровой трансформации государств, её основных направлениях, актуальных проблемах и вызовах. Отдельно стоит выделить вопрос адаптации цифровых технологий на муниципальном уровне в рамках концепции построения умного города.

Поскольку исследование носит преимущественно обзорный характер, то источниковая база хотя преимущественно и представлена прикладными исследованиями по различным странам, однако преимущественно включает правительственные стратегии и программы, реализующие различные меры и инициативы в области цифровой трансформации, внедрения технологий электронного правительства, имплементации технологий умного города.

Таким образом, цель исследования заключается в сопоставлении современных зарубежных и российских подходов к цифровизации государственного управления. Особое внимание уделяется факторам формирования подходов к реализации концепции умных городов в различных странах: ценностной составляющей стратегий, влиянию различных ограничений. На основе проведённого исследования предполагается проследить перспективы трансформации стратегий цифровизации.

Стратегии формирования цифрового государства в США

Соединённые Штаты оказались пионерами в вопросе внедрения технологий цифрового правительства, что стало следствием множественных проблем в системе государственного управления: высокие бюджетные расходы, недостаток информационной безопасности, дублирование функций различными агентствами и публичными сервисами.

Это определило ключевую роль открытых данных в цифровой трансформации, в широких масштабах начатой при администрации Б. Обамы с принятия «Меморандума о прозрачности и открытом правительстве» и реализации трёхэтапной «Инициативы открытого правительства» в 2009 г. [11]. Лежащие в основе принцип раскрытия информации предполагали обеспечения обработки запросов граждан и повышение эффективности работы государственных служб в целом, что затронуло федеральные и местные органы власти, особенно в части усиления роли структур гражданского общества, для которых цифровые инструменты рассматривались как инструменты их более результативного участия для повышения адаптивности органов публичной власти и принимаемых ей решений [28].

Учитывая ограниченные полномочия федерального правительства и вес государственного сектора, можно отметить, что доступ к информации и повышение эффективности согласования интересов множества заинтересованных сторон стали ключевыми направлениями стратегии цифровизации в США. Этой цели служит платформа eRulemaking, предоставляющая онлайн-доступ к электронным реестрам и предлагаемых нормам федеральных агентств с возможностью направления отзывов на них. Федеральный портал USA.gov, дающий доступ к правительственной информации и сервисам. Портал IDManagement.gov демонстрирует трансформацию стратегии построения централизованного шлюза «электронной аутентификации» в пользу предпочтения системы политик и стандартов для создания федеративной государственной инфраструктуры аутентификации на базе разнообразных технических решений.

Примером реализации стратегия повышения ресурсной и временной эффективности федерального правительства являются сервисы услуг по организации поездок и проживанию государственных служащих [42].

В случае с умными городами цифровая трансформация реализуется на основе давней традиции городского планирования, в которой сходятся интересы местного бизнеса, корпораций и городской администрации – найти более эффективные способы расходования средств для удовлетворения нужд различных социальных групп и интересов.

К настоящему времени можно определить несколько ключевых направлений цифровой трансформации и зафиксировать ряд достигнутых результатов (в рамках выборки целевого мониторинга). Во-первых, стратегия имплементации цифровых технологий преследовала цель повысить качество управления эффективностью в публичном менеджменте, в чём многие города достигли значимого прогресса, реализовав системы мониторинга достижения ключевых показателей развития в 75 % проектов [17]. Во-вторых, формирование новых каналов коммуникации с городскими сообществами демонстрирует низовую поддержку использования данных инструментов, которые реализованы более чем в 70 % городов. В-третьих, большое количество коммерческих и некоммерческих потребителей имеют запрос на доступ к платформам надёжных данных, различная номенклатура которых стала доступна в 67 % городов. В-четвёртых, применение информационных технологий оказало трансформирующее воздействие на планирование, поскольку новые способы сбора и анализа данных изменили существующие программы развития в 61 % городов [17].

Вместе с этим можно отметить ряд сквозных ценностей, на достижение которых было направлено построение сервисов умного города. Речь идёт о достижении прозрачности в деятельности муниципальных органов власти и, соответственно, доверия к ним. С этим связано стремление ответственно собирать и использовать данные для принятия взвешенных и справедливых решений. Новые возможности связывают с доступом к обратной связи от местных жителей, особенно малых или маргинализованных сообществ и групп. Построенная на этой основе стратегия широкого взаимодействия и предоставления доступа к данным ориентирована на получение местными органами власти преимуществ в плане возможностей эффективно влиять на районы, которые находятся вне зоны административной ответственности, но при этом оказывают существенное влияние на жителей города. При этом одним из направлений является выработка стандартов качества и ключевых показатели для конкретных городских служб, что вновь касается навыков работы с широким диапазоном данных и доступа к инструментам распространения соответствующих лучших практик.

Технологические возможности и организационный контекст достаточно специфично соотносятся с цифровой трансформацией североамериканских городов, поскольку, например внедрение системы умных датчиков в городскую инфраструктуру, определяется скорее спецификой местных потребностей, а не доминирующей технологической повесткой, опытом местных властей и практикой принятия решений, а не уровнем и доступность технологий электронного правительства [41].

Вместе с тем в условиях глобальных вызовов безопасности стратегия цифровой трансформации в 2024 г. претерпела некоторые изменения за счёт утверждения принципов международной кооперации и вовлечения в решение проблем цифровой безопасности и устойчивости. В этом отношении можно отметить текущий стратегический курс на продолжение сотрудничества и наращивание потенциала развития с партнёрами США, в противовес идее укрепления цифрового суверенитета [45].

Особенности стратегий формирования цифрового государства в странах Европы

Особенностью цифровизации в европейских государствах является наличие общих институциональных рамок структур ЕС¹, что задаёт общий вектор технологического и организационного развития [15]. В последнее время исследователи говорят о появлении в стратегии ЕС идеи «разрыва» из-за стремления обрести большую независимость в области использования цифровых технологий. Речь идёт о следующих направлениях: искусственный интеллект, системы распределённых вычислений, технологии IoT, доступные данные, электронное правительство, цифровая безопасность. На 2019 г. большое количество стран внесли AI в повестку цифровой трансформации или национальные стратегии, хотя масштабная апробация технологий была характерна только для Финляндии и Германии. Аналогичная ситуация характерна для технологии блокчейн, которая нашла отражение в национальных стратегиях конца 2010-х гг. с пилотными внедрениями в Бельгии, Великобритании, Дании и Португалии [14].

Доступные данные являются наиболее проработанным направлением, обеспеченным инфраструктурно благодаря национальным программам и тому, что почти все члены ЕС имеют соответствующие информационные порталы, преимущественно единого доступа к государственным услугам и социальным сервисам, что, в свою очередь, позволяет развивать технологии AI и IoT. Последние технологии, к которым чувствительны проекты развития умных городов, характеризуются высокой их проработкой на уровне документов стратегического планирования, с другой стороны, страны имеют хороший опыт управления их внедрением. Например, испанская ассоциация умных городов сформировала площадку для обмена лучшими практиками в этой области среди 49 городских советов. Внедрение технологий электронного правительства основывается на общеевропейском партнёрстве в области открытого правительства, нацеленном на объединение усилий правительств и лидеров гражданского общества вокруг использования открытых данных, инклюзивности и ответственности. В некоторых государствах реализуются инициативы по предоставлению облачной государственной инфраструктуры для развития программных сервисов, горизонтальных решений и приложений для государственных секторов [15, с. 65–67].

В целом можно отметить попытку формировать общеевропейский вектор в процессах цифровизации, что предполагает учёт вызовов и особенностей развития отдельных членов ЕС, поскольку его члены к концу 2010-х гг. распределились неравномерно относительно уровня цифровизации и её проникновения в общество: реализация Эстонией 96 % принципов общеевропейского плана на фоне 53 % у Германии и 62 % у Великобритании, для которой начало процедуры Брексита подорвало уверенную динамику развития [26, с. 50–54].

В случае умных городов принципы их развития могут существенно различаться как по роли цифровизации в формировании стратегий, так по технологическому наполнению. В случае Барселоны как пионера применения ИТ-технологий стратегия умного города стала естественной эволюцией моделей электронного правительства и цифрового города в стремлении обеспечить устойчивое качество жизни и эффективность. Милан представляет иной пример, когда умный город становится элементом инновационного городского планирования (социальные инновации для ответа на социальные вызовы), в рамках которого ИКТ играют роль не доминанты, а функциональной поддержки множества разных проектов. Схожим образом в Мюнхене запрос на стратегию умного города формируется из традиций планирования, в которой ИКТ рассматриваются как возможность повысить экологическую устойчивость через эффективное использование ресурсов и электроэнергии.

¹ Речь идёт о деятельности Еврокомиссии, использовании модели «Открытый метод координации» для усиления регулирования, внедрении регулярной комплексной оценки внедрения цифровых государственных сервисов в ЕС, реализации инициативы «Единый цифровой рынок», программы «Цифровая Европа», принятии Плана развития электронного правительства до 2020 г. и др.

При этом стоит отметить важность принципов партнёрства, поскольку прочные практики сетевого взаимодействия органов власти, компаний, университетов, граждан и НКО в итоге формируют институциональную среду, благоприятствующую получению дополнительного финансирования со стороны ЕС. В этой ситуации модели сетевого управления могут предполагать и доминирующую роль городского правительства, как в случае Барселоны [18]. Реализация подобных стратегий имеет также и региональное измерение. В случае проектов Юго-Восточной Европы приоритет отдаётся использованию ИКТ для повышения энергоэффективности и экологической устойчивости в ущерб вопросам социального капитала или экономической эффективности на фоне сложностей с реализацией проектов в целом на более поздних стадиях [35].

Возрастание роли внешнеполитических рисков в еврозоне после начала российско-украинского вооружённого конфликта закономерно отразилось на приоритетах, повысив ценность безопасности данных, поскольку далеко не большинство национальных государственных институтов реализовывали соответствующую политику безопасности данных и цифровой инфраструктуры: от 45–57 % институтов в Дании, Швеции и Норвегии, до 21–12 % – в Польше, Эстонии и Латвии [49, с. 3462]. Эти данные демонстрируют, что аспект безопасности не всегда является имплицитной компонентой цифровизации, хотя в случае Нидерландов и Дании передовому технологическому уровню соответствует существенное внимание к рискам цифровой безопасности [25].

Необходимость развёртывания множества сервисов выявляет проблему наследования бизнес-процессов реализованных проектов, что может стать ограничением стратегического уровня, когда государству необходимо выходить на коммерческий рынок за новыми продуктами и проектным менеджментом [24].

Сравнительная оценка существующих цифровых политик в ЕС позволяет выделить ряд проблем трансформации, связанных с формированием сервисов цифрового государства: нехватка социального капитала и цифровых навыков, недостаток технологической инфраструктуры, проблемы безопасности, приватности и доверия [39].

Последний барьер рассматривается как существенный вызов, поскольку говорит о диспропорции между инновационными эффектами инвестиций в технологии электронного правительства и массовостью использования подобных сервисов. В этом отношении восприятие граждан исключительно как реципиентов цифровизации без достаточной коммуникации формирует цифровое разделение, связанное с недоверием и непониманием специфики запросов людей. Таким образом, ликвидация нового цифрового разрыва требует внимания к менее благополучным и образованным группам пользователей для того, чтобы они оценили преимущества новых технологий [22; 29].

Необходимость учёта многоскоростного характера цифровизации в ЕС предполагает расширение экспертных консультаций и политических дебатов в рамках создания программы «Цифровая Европа». В частности, учитывая высокий удельный вес государственного сектора, предполагается объединить усилия для управления влиянием AI на занятость, поскольку структура занятости может измениться при автоматизации и цифровизации государственных процессов, что планируется учитывать при реализации концепции электронного правительства 4.0 и путём принятия этических норм для минимизации негативного влияния новых технологий.

Построение цифрового государства в Российской Федерации

С 2002 г., с началом реализации Федеральной целевой программы «Электронная Россия», началось формирование и развитие электронного правительства, которое сформировало основу системы взаимодействия государственных структур с гражданами. Цифровизация прошла несколько этапов, связанных с реализацией «Стратегии развития информационного общества в РФ» (2008), программы «Информационное общество» (2011–2020), а также планов на базе программ «Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017–2030 гг.» и «Цифровая экономика Российской Федерации», в которых общим местом стала концепция электронного правительства

с соответствующей системой «межведомственной электронной кооперации, целью которой было упростить и сделать более эффективным взаимодействие между гражданами и органами государственной власти» [5, с. 243].

Можно отметить несколько ключевых подходов к реализации стратегии цифровизации в России. Во-первых, важной характеристикой нынешней стратегии является принцип единого окна, который создаёт общее информационное цифровое пространство для получения полного спектра государственных услуг. При этом в последние годы можно отметить снижение роли региональных проектов, на смену которым постепенно приходят решения федерального уровня, что не исключает региональные цифровые инициативы в области развития информационных систем (Москва, Санкт-Петербург, Татарстан и др.).

Во-вторых, технологии электронного правительства остаются базовыми в рамках особого внимания к реализации безбумажного документооборота в органах власти, что направлено на оптимизацию внутренних процессов и повышение эффективности работы государственных структур.

Исследователи отмечают, что со второй половине 2010-х гг. выбранная модель построения электронного правительства находится в определённой стагнации, что отразилось на оценках России в глобальных ИКТ-рейтингах [7]. Это можно связать с проблемой углубления перехода от технологий электронного правительства к цифровому государственному управлению, когда помимо достижения технологического задела «государства как платформы» возникает необходимость обеспечения открытости данных, прозрачности процедур и вовлечения расширенного числа стейкхолдеров в процесс принятия решений.

В этом отношении достаточно показательны недостатки, на которые указывают исследователи вопроса. С одной стороны, выработаны возможности текущей архитектуры «цифрового правительства», что требует «реинжиниринг административных процессов», выстраивание практик совместного использования сервисов и баз данных с выработкой общих стандартов работы с данными на разных уровнях власти [12, с. 23]. С другой стороны, стремление административных структур сохранить статус-кво ведёт к оцифровке неэффективности, сложности согласования используемых баз данных, низким темпам внедрения на региональном и муниципальном уровнях [3]. После 2022 г. очевидным стала проблема расходования бюджетов на цифровую трансформацию государства, ограничения доступа к сервисам, ограниченность выбора технических решений и оборудования из-за широких международных санкций [4].

Цифровой аспект гражданско-государственного взаимодействия характеризуется неравномерностью с точки зрения взаимосвязи реализуемых решений и гражданского участия, равно как и доверия. Появление российского аналога американской краудсорсинг-площадки – Российской общественной инициативы – временно подняло волну гражданского активизма¹ в начале 2010-х гг., часть представителей которого попыталась реализовать альтернативные цифровые гражданские проекты, способствуя в конечном итоге росту внимания государства к цифровой коммуникации с гражданами [46].

В связи с отмеченными особенностями имеет смысл посмотреть на уровень цифрового публичного управления, непосредственно связывающего органы власти и интересы различных групп заинтересованных, что характерно для регионального и муниципального уровней. Прежде всего речь идёт о концепции «умного города», успешная реализация которой в значительной степени связана с ресурсными возможностями, социальным капиталом и управленческой зрелостью городских администраций. Это тезис подтверждает успех Москвы, принявшую в 2018 г. соответствующую концепцию.

¹ Речь идёт о запуске или использовании в тот период активистами и бизнесом цифровых платформ агрегирования мнений или проблем: «Росяма», «Роспил», «РосЖКХ», «Йополис», «Красивый Петербург», «Карта нарушений», Change.org и др.

Её реализация сопровождается широким внедрением сложных и дорогостоящих публичных сервисов, включая платформы для обратной связи с жителями¹, что позволило наработать компетенции в области управления инновациями при взаимодействии с бизнесом², получив высокую оценку со стороны международных экспертов [2]. Вместе с тем шаг в сторону институционального подкрепления важности развития интеллектуальных городских систем был предпринят Минстроем вместе с принятием методики оценки эффективности городской трансформации (IQ городов) в 2019 г. Характерно, что компоненты индекса обрели для администраций статус целевых показателей, не все из которых в силу их бинарного характера в полной мере являются доступными для независимой проверки, что вызывает у ряда экспертов вопросы [1].

Исследование стратегического дискурса «умных городов» в России демонстрирует характерные ценностные позиции (технооптимизм, конструктивный реализм, ценность социальной коммуникации) по отношению к цифровизации городов. Среди основных проблемных тем выделяются следующие: «имплементация стандартов и методов управления сверху», «гражданское участие», «лоскутная цифровизация», «цифровое неравенство» [6]. В свою очередь, это вновь указывает на нерешённость вопроса о «признании» граждан полноправными действующими участниками цифровой трансформации на фоне «технологической централизованной традиции» трансформации сверху.

Другим примером федеральной инициативы является реализация Министерством финансов концепции инициативного бюджетирования для муниципальных образований, которое посредством соответствующего федерального цифрового проекта «Открытый бюджет» и региональных аналогов постепенно информирует и вовлекает граждан в определение целей муниципального финансирования с помощью цифровых средств [9].

Цифровое государство в КНР

Последние два десятилетия в Китае были отмечены как бурным экономическим ростом, так и реформами в области государственного управления и началом её цифровой трансформации. На XIX всекитайском съезде КПК в 2017 г. проблематика цифрового правительства встала на уровень задачи «всесторонней поддержки модернизации возможностей национального управления и государственной системы». Постановка новых задач опирается на принятые и реализуемые с 2016 г. центральным правительством стратегические документы в этой области: «Основы национальной стратегии развития информатизации» (2016), «Основные рекомендации по повышению удобства государственных услуг» (2018), а также на план национальной информатизации 14-й пятилетки (2021).

Современная политика цифровизации в КНР основывается на цели повышения административной эффективности, расширения управленческих возможностей посредством цифровых инструментов и больших данных. Это реализуется в рамках стратегии создания унифицированных платформ, предоставления в режиме единого окна различных сервисов для сбора и разрешения различных запросов и проблем [23]. В итоге это позволяет говорить о едином концептуальном основании стратегии цифровизации, которое обозначают как «цифровое управление закона и порядка» в силу попыток правительства как получить преимущества за счёт ИКТ, так и использовать их для задач социального надзора и управления.

Вместе с тем современный кризис мирового внешнеполитического порядка усиливает в Китае риторику секьюритизации интернета из-за предполагаемых рисков усиления международной «войны за данные», поддерживая стремление ликвидировать уязвимости цифровых систем [48]. После принятия «Закона о безопасности данных

¹ Платформы «Активный гражданин» (голосование по инициативам), «Наш город» (сбор локальных проблем), «Крауд» (сбор предложений методом краудсорсинга).

² Примером может являться акселератор Департамента транспорта для поиска, отбора и развития новых решений для города.

Китай» и введения «Закона о защите персональных данных» в КНР в целом завершил правовое регулирование в области управления данными, в основу которого было положена иерархическая систематизация данных в соответствии с принципом снижения их важности для вопросов национальной безопасности [30].

Особенностью реализации стратегии цифровизации сферы государственных услуг является безальтернативность, поскольку руководящую и направляющую функцию по постановке целей и их интерпретацию выполняет КПК. К этому добавляется эффект сформированного доверия, когда граждане гораздо чаще обращаются к официальным сайтам за услугами и помощью, поскольку считают их источниками «подтверждённой официальной информации» даже несмотря на распространение подотчётных и при этом всё же альтернативных решений вроде WeChat или других мобильных приложений [31].

Цифровизация управления на местном уровне в значительной степени продолжает общую двустороннюю стратегическую линию, направленную как на социальную стабилизацию, так и на извлечение дополнительных конкурентных преимуществ.

Это демонстрирует практика использования ИКТ в секторе публичного управления на уровне сельских поселений, где, с одной стороны, реализуются программы информатизации деревень, с другой – традиционные практики социального надзора и контроля дополняются цифровыми возможностями. Например, речь идёт о реализации системы социального менеджмента в рамках обеспечения законности и порядка, когда ответственные участники при регулярном обходе территории занимаются сбором данных, проверяя и уточняя ключевые показатели, включая относящиеся к глобальным целям устойчивого развития, формируя мнения относительно совершенствования применения законодательства на местах. Подобная стратегия цифрового социального надзора на уровне реализации обеспечивает специфичный аналог вовлечения граждан в процесс принятия решений через формирование двусторонней коммуникации (снизу вверх и сверху вниз) для получения обратной связи от населения¹ [47].

Указанные особенности отражаются и при реализации стратегии умных городов. С одной стороны, принятие на общекитайском уровне целей устойчивого развития оказывает влияние на особенности развития умных городов: поддержку получают программы развития ВИЭ, снижения опасных выбросов [40]. С другой стороны, речь идёт о использовании стандартизированных подходов к реализации на местном уровне с 2010 г., что порой ведёт к проблемам нечёткого планирования и малоэффективному использованию технологий из-за неучёта местной специфики и актуальных запросов [27].

В целом современные подходы к построению умного города включают широкое взаимодействие участников на принципах тройной спирали с широким представительством китайских технологических кампаний, предоставляющих решения для автоматизации и интеллектуализации городского планирования и управления на основе IoT, ИИ, блокчейна, облачных вычислений, больших данных, мобильных сетей. Если в 2012 г. Министерство жилищного строительства и городского и сельского развития утвердило программу из 90 пилотных проектов умных городов, то в 2019 число таких проектов достигло почти 800, больше трети из которых прошли экспертизу и получили финансовую поддержку в министерстве [38].

Можно отметить использование формы государственно-частного партнёрства и высокий уровень координации развития проектов на национальном уровне (25 министерств и комиссий). Это привело к специализации государственных агентств на управлении строительством и больших данных. Последнее направление определяется как особо перспективное, что демонстрирует наличие в каждом третьем проекте

¹ Соответствующие приложения включают работу с информацией для управления конфликтами и обращениями, ликвидации загрязнений окружающей среды, фиксации преступлений, оценки общественного мнения и др.

соответствующих органов координации работы с большими данными, которые в будущем должны управлять источниками данных, становясь институтами интеграции и обмена данными [36].

Развитие цифрового государства в развивающихся странах

Спецификой цифровизации государственного управления в развивающихся странах является ряд присущих им ограничений, начиная с очевидных технологических и ресурсных барьеров и заканчивая недостаточным уровнем базовых навыков использования ИКТ гражданами и степенью проникновения интернета. Не имея возможности охватить большое число соответствующих стран, далее внимание будет сосредоточено на отдельных странах регионов развития – Индонезии, Нигерии и Боливии.

В Индонезии активное развитие электронного правительства, начавшееся вслед за президентским поручением в 2021 г., должно обеспечить взаимодействие государства и общества на базе принципов хорошего управления. Граждане должны получить круглосуточный доступ к государственным сервисам, возможности которых должны оптимизировать работу и предоставлять услуги для сельских сообществ. Исследователи отмечают, что трудности в реализации технологий электронного правительства связаны не только с низкой цифровой грамотностью и спросом на традиционный формат получения государственных услуг, но и с неготовностью государственной бюрократии и невысоким качеством проектного менеджмента (реализуется около 15 % проектов). Ситуацию усугубляет низкая степень реализации подготовительного этапа работ: недостаточное наличие у ведомств веб-сайтов и их доступность, периодичность их обновления и т. п. [44].

Отдельным направлением является имплементация ИКТ для местных органов власти, в частности проекты электронного планирования и ведения бюджетов. Можно отметить наличие инициативы со стороны национального правительства на фоне проблем правового обеспечения проектов на уровне региональных и местных органов власти – соответствующие программы развития часто отсутствуют, а ряд сервисов не доступен для граждан [37]. Вместе с тем среди актуальных направлений можно выделить развитие ИТ-инфраструктуры, повышение цифровой грамотности и реализацию проектов умных городов. Для последних была создана программа поддержки городов, использующих ИКТ, а также методы оценки их областей внедрения (политика, инфраструктура, планирование, информационная интеграция) [21].

Пример Нигерии в целом соответствует положению дел в странах Африки южнее Сахары, правительствам которых не хватает организационного видения, что делает сложной цель успешной реализации программ электронного правительства. На этом фоне можно отметить роль частного сектора, готового инвестировать в цифровое развитие, иллюстрацией чего является модернизация телекоммуникационной инфраструктуры за счёт частного капитала. На этом фоне переход к использованию инструментов и платформ электронного правительства для предоставления некоторых государственных услуг происходит с уровня низкой организационно-технологической базы. Данный процесс связан с запуском отдельных сервисов для граждан: платформы для вступительных экзаменов в университеты, получения паспорта гражданина и его идентификация в работе государственных служащих [13].

Планы реализации новых сервисов пока не имеют системной основы, которые внедряются фрагментировано. В настоящее время было реализовано около двух десятков сервисов цифрового государства разной степени функциональной работоспособности, некоторые из которых развиваются при поддержке международных организаций. При этом важная компонента цифровой трансформации – прозрачность деятельности органов власти и доступность данных – ограниченно обеспечена, что создаёт дефицит данных, которые восполняют частные корпорации и консультанты [8].

В текущей перспективе развитие инфраструктуры ИКТ и общественный запрос на использование цифровых государственных сервисов становятся факторами активизации усилий государства в этой сфере, о чём говорят реализуемые проекты (портал госуслуг) и инициативы (электронное голосование).

Кроме общего повышения эффективности стратегия развития электронного правительства, в Боливии имеет под собой ещё и стремление снизить уровень коррупции, на что были нацелены проекты запуска государственных порталов при президенте Э. Моралисе, предполагавшие обеспечить доступ к информации законодательстве и деятельности органов власти [32]. Одним из следствий этого стало внедрение свободного программного обеспечения, использование которого пришлось на вторую половину 2010-х гг., когда многие страны Латинской Америки уже завершили соответствующий этап цифровизации деятельности правительства [34].

Как и у многих развивающихся стран Латинской Америки, стратегия цифровизации Боливии подчёркивает ценность активного вовлечения граждан в политическую сферу, стремясь через инструменты ИКТ облегчить им доступ к информации и данным государственных структур, создать цифровые механизмы взаимодействия с гражданами, обеспечить общественный контроль через сбор требований и продолжений, что было определено в «Плане реализации электронного правительства 2017–2025 гг.» [33].

Институционально это обеспечивается высокой административной автономией агентства по электронному правительству, информации и коммуникационным технологиям, подчиняющегося министру и президенту. Несмотря на значительные ресурсные ограничения, поздний старт программ цифровизации и высокое цифровое неравенство, планы цифровизации касаются самого широкого перечня направлений в сравнении с другими странами Латинской Америки: правительство, сервисы для граждан, общественные инновации, защита персональных данных и безопасность информации, инфраструктура, данные, цифровые ID, открытые данные, интегрируемость, профессиональное обучение.

В настоящее время при всей мотивации правительства поддерживать цифровую трансформацию существующие программы реализуются преимущественно административными методами на фоне ограниченных инвестиций в их технологическое обеспечение, слабой коллаборации с учебными заведениями, неподготовленной инфраструктуры, неразвитой инновационной культуры и только развивающейся стартап-отрасли [42].

Выводы

Современные особенности цифровой трансформации государственного управления в разных странах на уровне ценностей применяемых стратегий сходятся в вопросах, связанных с повышением доступности государственных услуг и данных, подотчётностью органов государственной власти, использованием ИКТ, вовлечением граждан в процесс обсуждения и принятия государственных решений. Это обуславливает широкое использование международных рейтингов и индексов цифровой трансформации государственного и городского управления на уровне экспертного сообщества государств безотносительно политического режима и специфики выбранных стратегий.

Для большинства государств актуальна проблема доверия к цифровому гражданско-государственному взаимодействию, которая, безусловно, имеет широкие пределы: от отсутствия базовой цифровой грамотности до наличия сформированных предубеждений. Доминирование социального аспекта исключения граждан из цифрового взаимодействия, создающего цифровое неравенство в обществе, подрывает будущие усилия по внедрению инновационных ИКТ, ограничивая доступные конструктивные эффекты цифровой трансформации.

В случае США можно констатировать сохранение основных тенденций, связанных с особенностью федеративной системы, с одной стороны, и готовностью бороться за новые экономические возможности в рамках конкуренции технологий умного города, с другой стороны, что, однако, сохраняет широкие практики формирования коалиций стейкхолдеров при реализации проектов.

Европейский взгляд на цифровизацию определяется усилиями по формированию общеевропейского вектора цифровизации с учётом вызовов и особенностей каждой страны ЕС. С одной стороны, это усиливает общеевропейские институты регулирования и финансирования проектов, с другой – требует адаптации стратегий для стран

и регионов, практики широкого партнёрства, что обуславливает рост сложности цифровизации из-за возникающей многовекторности.

Цифровая трансформация в России, столкнувшись с множественными технологическими ограничениями и вопросом стратегической переоценки, оказывается перед дилеммой выбора подхода к реинжинирингу административных процессов, которые имеют не только чисто организационное, но и институционально-политическое измерение.

Цифровизация государственного управления в КНР формирует стратегический нарратив государственно-центричной стратегии системной цифровой трансформации, что, с одной стороны, обуславливает интерес к ценностям цифрового социального надзора, с другой – предполагает использование ИКТ на уровне городского управления для максимальной реализации их инновационного и экономического потенциала в кластерах умных городов.

Стратегии реализации электронного правительства в развивающихся странах, испытывая объективные трудности из-за недостатка компетентностей и финансирования в области ИКТ, также нацелены на выстраивание эффективных моделей работы с данными, доступ к которым является в том числе и социально-политическим запросом обществ.

Стоит при этом признать, что новая стратегическая фаза внешнеполитической конкуренции государств вкупе с расширением региональных вооружённых конфликтов делают перспективу цифрового изоляционизма политической и экономической природы всё более вероятной, что может сильно изменить соответствующие стратегии в пользу компонент цифрового суверенитета.

Список литературы

1. Бороненко, В. Что не так в первой иерархии «умных» городов / В. Бороненко. – URL: <https://expertsouth.ru/news/chto-ne-tak-v-pervoy-ierarhii-umnykh-gorodov/> (дата обращения: 27.11.2024).
2. Василенко, И. А. Москва – «Умный город»: основные направления и перспективы смарт-стратегии развития столицы / И. А. Василенко // *Власть*. – 2019. – № 3. – С. 91–95.
3. Василенко, И. А. Особенности формирования концепции «цифрового правительства» в политической науке и перспективы ее реализации в России / И. А. Василенко // *Государственное управление*. – 2020. – № 82. – С. 218–244. – doi: 10.24411/2070-1381-2020-10099.
4. Ганичев, Н. А. Цифровая экономика России: к стратегии развития в условиях санкций / Н. А. Ганичев, О. Б. Кошовец // *Проблемы прогнозирования*. – 2022. – № 6. – С. 94–108. – doi: 10.47711/0868-6351-195-94-108.
5. Ефанова, Е. В. Цифровизация политики и электронное голосование: особенности и национальный опыт / Е. В. Ефанова // *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*. – 2024. – Т. 8, вып. 2. – С. 242–248. – doi: 10.35634/2587-9030-2024-8-2-242-248.
6. Колодий, Н. А., Иванова, В. С., Гончарова Н. А. Умный город: особенности концепции, специфика адаптации к российским реалиям / Н. А. Колодий, В. С. Иванова, Н. А. Гончарова // *Социологический журнал*. – 2020. – Т. 26, № 2. – С. 102–123. – doi: 10.19181/socjour.2020.26.2.7268.
7. Михайленко, Н. В. Цифровое государственное управление. Современные проблемы и перспективы завтрашнего дня / Н. В. Михайленко // *Государственная служба и кадры*. – 2020. – № 2. – С. 171–175. – doi: 10.24411/2312-0444-2020-10100.
8. Нигерия: цифровое государство. – URL: <https://we.hse.ru/irs/cas/passng> (дата обращения: 29.11.2024).
9. Панфилов, Г. О. Электронное участие в России под воздействием централизации: данные мониторинга 2020–2023 гг. / Г. О. Панфилов // *International Journal of Open Information Technologies*. – 2023. – № 12. – С. 92–96.
10. Сморгун, Л. В. Цифровизация и сетевая эффективность государственной управляемости / Л. В. Сморгун // *Политическая наука*. – 2021. – № 3. – С. 13–36. – doi: 10.31249/poln/2021.03.01.

11. Храмовская, Н. А. Открытое правительство США: основные идеи и практика реализации / Н. А. Храмовская // Интернет и современное общество (IMS-2012). – Санкт-Петербург : МультиПроджектСистемСервис, 2012. – С. 316–322.
12. Швецов, А. Н. От «электронного правительства» к «цифровому государству»: смысл и последствия новаций / А. Н. Швецов // ЭКО. – 2019. – № 12. – С. 8–26. – doi: 10.30680/ЕСО0131-7652-2019-12-8-26.
13. Afieroho, P. и др. Adopting e-government to monitor public infrastructure projects execution in Nigeria: The public perspective / P. Afieroho // Heliyon. – 2023. – Vol. 9, № 8. – P. 1–17. – doi: 10.1016/j.heliyon.2023.e18552.
14. Barcevičius, E., Codagnone, C., Misuraca, G. Exploring Digital Government transformation in the EU – Analysis of the state of the art and review of literature, EUR 29987 EN, Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2019. – URL: <https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/handle/JRC118857> (дата обращения: 24.11.2024).
15. Codagnone, C. Institutional isomorphism, policy networks, and the analytical depreciation of measurement indicators: The case of the EU e-government benchmarking / C. Codagnone, G. Misuraca, A. Savoldelli, F. Lupiáñez-Villanueva // Telecommunication Policy. – 2015. – Vol. 39, № 3–4. – P. 305–319. – doi: 10.1016/j.telpol.2015.01.005.
16. Cordella, A. ICTs and value creation in public sector: Manufacturing logic vs service logic / A. Cordella, A. Paletti // Information Polity. – 2018. – Vol. 23, № 2. – P. 125–141. – doi: 10.3233/IP-170061.
17. Evans, R. Closing the Data Gap: How Cities Are Delivering Better Results for Residents. The Monitor Institute by Deloitte. Deloitte Development LLC, 2021 / R. Evans et al. – URL: https://results4america.org/wp-content/uploads/2021/06/Deloitte-WWC-Data-Gap-Report_vFinal-063021.pdf (дата обращения: 30.11.2024).
18. Gasco-Hernandez, M. The role of organizational capacity to foster digital transformation in local governments: The case of three European smart cities / M. Gasco-Hernandez, G. Nasi, M. Cucciniello, A. M. Hiedemann // Urban Governance. – 2022. – Vol. 2, № 2. – P. 236–246. – doi: 10.1016/j.ugj.2022.09.005.
19. Gong, Y. Towards a comprehensive understanding of digital transformation in government: Analysis of flexibility and enterprise architecture / Y. Gong, J. Yang, X. Shi // Government Information Quarterly. – 2020. – Vol. 37, № 3. – P. 1–13. – doi: 10.1016/j.giq.2020.101487.
20. Hanelt, A. A Systematic Review of the Literature on Digital Transformation: Insights and Implications for Strategy and Organizational Change / A. Hanelt, R. Bohnsack, D. Marz, C. A. Marante // Journal of Management Studies. – 2021. – Vol. 58, № 5. – P. 1159–1197. – doi: 10.1111/joms.12639.
21. Herdiyanti, A. Modelling the Smart Governance Performance to Support Smart City Program in Indonesia / A. Herdiyanti, P. S. Hapsari, T. D. Susanto // Procedia Computer Science. – 2019. – Vol. 161. – P. 367–377. – doi: 10.1016/j.procs.2019.11.135.
22. Hernández, A. C. C. Analysis of the e-Government development index in the regions / A. C. C. Hernández, G. de V. Hernández, M. E. P. Prieto, L. B. Pinto, E. G. Martínez // Procedia Computer Science. – 2024. – Vol. 231. – P. 559–565. – doi: 10.1016/j.procs.2023.12.250.
23. Hu, J. Digital Governance in China: Dispute Settlement and Stability Maintenance in the Digital Age / J. Hu, X. Zhang. // Journal of Contemporary China. – 2024. – T. 33, № 148. – P. 561–577. – doi: 10.1080/10670564.2023.2261877.
24. Irani, Z. The impact of legacy systems on digital transformation in European public administration: Lesson learned from a multi case analysis / Z. Irani, R. M. Abril, V. Weerakkody, A. Omar, U. Sivarajah // Government Information Quarterly. – 2023. – Vol. 40, № 1. – P. 1–14. – doi: 10.1016/j.giq.2022.101784.
25. Jansen, B., Pushing boundaries: An empirical view on the digital sovereignty of six governments in the midst of geopolitical tensions / B. Jansen, N. Kadenko, D. Broeders, M. van Eeten, K. Borgolte, T. Fiebig // Government Information Quarterly. – 2023. – Vol. 40, № 4. – P. 1–13. – doi: 10.1016/j.giq.2023.101862.
26. Kampen, J. V. From Plan to Reality: Applications of the European eGovernment Action Plan 2016–2020 on the National and Institutional Level – a Comparison between Germany, the United Kingdom and Estonia. Master Thesis, The Köln university of applied sciences institute of informatics / J. V. Kampen. – Cologne, August 2018. – 77 p.
27. Kang, W. China Digital Governance Development Review Over the Past Two Decades / W. Kang, Y. Wang // International Journal of Public Administration in the Digital Age. – 2018. – Vol. 5, № 3. – P. 92–106. – doi: 10.4018/IJPADA.2018070107
28. Kassen, M. Understanding Systems of e-Government: e-Federalism and e-Centralism in the United States and Kazakhstan. – Lanham, MD : Lexington Books, 2015. – 200 p.

29. Kersbergen, K. van. Digitalization as a policy response to social acceleration: Comparing democratic problem solving in Denmark and the Netherlands // *Government Information Quarterly*. – 2022. – Vol. 39, № 3. – P. 1–10. – doi: 10.1016/j.giq.2022.101707.
30. Li, S. Legislative discourse of digital governance: a corpus-driven comparative study of laws in the European Union and China // *International Journal of Legal Discourse*. – 2021. – Vol. 6, № 2. – P. 349–379. – doi: 10.1515/ijld-2021-2059.
31. Li, Y., Shang, H. How does e-government use affect citizens' trust in government? Empirical evidence from China // *Information & Management*. – 2023. – Т. 60, № 7. – P. 1–21. – doi: 10.1016/j.im.2023.103844.
32. Miguel, T. M. The Digital Legal Landscape in South America: Government Transparency and Access to Information. – URL: <https://ssrn.com/abstract=1865891> (дата обращения: 30.11.2024).
33. Neverov, K. Participatory governability under development: The institution of citizen participation as the basis for the design of the “Government as a Platform” in developing countries // *Proceedings of the 19th International Conference on WWW/INTERNET 2020*. – 2020. – P. 145–149.
34. Nicolás, M. A. The development of electronic government in twenty Latin American countries: digital agenda and federal executive websites / M. A. Nicolás, C. A. R. Torres, C. K. M. Catachura // *E-Legis - Revista Eletrônica do Programa de Pós-Graduação da Câmara dos Deputados*. – 2022. – Vol. 15, № 38. – P. 1–28. – doi: 10.51206/elegis.v15i38.753.
35. Ninčević Pašalić, I. Smart city research advances in Southeast Europe / I. Ninčević Pašalić, M. Čukušić, M. Jadrić // *International Journal of Information Management*. – 2021. – Vol. 58. – P. 1–11. – doi: 10.1016/j.ijinfomgt.2020.102127.
36. Qin, B. Digital transformation of urban governance in China: The emergence and evolution of smart cities / B. Qin, S. Qi // *Digital Law Journal*. – 2021. – Vol. 2, № 1. – P. 29–47. – doi: 10.38044/2686-9136-2021-2-1-29-47.
37. Randang, D. M. Readiness assessment on e-government implementation in the government of Manggarai regency of Indonesia / D. M. Randang, W. Djani, L. P. S. Rani // *Russian Journal of Agricultural and Socio-Economic Sciences*. – 2021. – Vol. 118, № 10. – P. 105–113. – doi: 10.18551/rjoas.2021-10.13.
38. Reshetnikova, M. Smart cities in China: growth driver in the post pandemic world / M. Reshetnikova, G. Vasilieva // *SHS Web of Conferences. Globalization and its Socio-Economic Consequences*. – 2021. – Vol. 129. – P. 1–10. – doi: 10.1051/shsconf/202112904004.
39. Senna, P. P. Overcoming barriers to manufacturing digitalization: Policies across EU countries / P. P. Senna, J. Bonnin Roca, A. C. Barros // *Technological Forecasting and Social Change*. – 2023. – Vol. 196. – C. 1–19. – doi: 10.1016/j.techfore.2023.122822.
40. Shen, X. Digital economy and ecological performance: Evidence from a spatial panel data in China / X. Shen, H. Zhao, J. Yu, Zh. Wan, T. He, J. Liu // *Frontiers of Environmental Science*. – 2022. – Vol. 10. – P. 1–19. – doi: 10.3389/fenvs.2022.969878.
41. Tang, T. A path-dependence perspective on the adoption of Internet of Things: Evidence from early adopters of smart and connected sensors in the United States / T. Tang, A. T.-K. Ho // *Government Information Quarterly*. – 2019. – Vol. 36, № 2. – P. 321–332. – doi: 10.1016/j.giq.2018.09.010.
42. *The E-Leaders Handbook on the Governance of Digital Government*, OECD Digital Government Studies, OECD Publishing, Paris, 2021. – URL: <https://doi.org/10.1787/ac7f2531-en> (дата обращения: 30.11.2024).
43. Twenty years of making government more accessible through the E-Government Act. – URL: <https://www.gsa.gov/blog/2022/12/29/twenty-years-of-making-government-more-accessible-through-the-egovernment-act> (дата обращения: 16.11.2024).
44. Ummah, A. E-Government Implementation to Support Digital Village in Indonesia: Evidence from Cianjur Village, Bogor Regency / A. Ummah, S. Maryam, D. T. S. Wahidin // *Jurnal Studi Sosial dan Politik*. – 2022. – Vol. 6, № 2. – P. 245–259. – doi: 10.19109/jssp.v6i2.14038.
45. *United Nations e-Government Survey 2024: Accelerating Digital Transformation for Sustainable Development – with the Addendum on Artificial Intelligence*. – Bloomfield : United Nations Research Institute for Social Development, 2024. – 205 p.
46. Wijermars, M. The Digitalization of Russian Politics and Political Participation / M. Wijermars // *The Palgrave Handbook of Digital Russia Studies* / ed. by D. Gritsenko, M. Wijermars, M. Kopotev. – Cham : Springer International Publ., 2021. – P. 15–32.
47. Wu, S. Digital governance in rural Chengdu, China: Its potential for social-ecological resilience / S. Wu, D. B. Abramson, B. Zhong // *Frontiers in Sustainable Cities*. – 2022. – Vol. 4. – P. 1–12. – doi: 10.3389/frsc.2022.736965.
48. Yao, S. A Review on the Research of Digital Governance Theory in China / S. Yao // *2020 Conference on Social Science and Natural Science (SSNS2020)*. – 2020. – P. 912–918.

49. Zakrzewska, M. Using e-government services and ensuring the protection of sensitive data in EU member countries / M. Zakrzewska, I. Miciuła // *Procedia Computer Science*. – 2021. – Vol. 192. – P. 3457–3466. – doi: 10.1016/j.procs.2021.09.119.

References

1. Boronenko, V. *Chto ne tak v pervoy ierarkhii "umnykh" gorodov* [What's wrong with the first hierarchy of smart cities]. Available at: <https://expertsouth.ru/news/chto-ne-tak-v-pervoy-ierarkhii-umnykh-gorodov/> (accessed: 27.11.2024).
2. Vasilenko, I. A. Moskva – “Umnyy gorod”: osnovnye napravleniya i perspektivy smart-strategii razvitiya stolitsy [Moscow – “Smart City”: the main directions and prospects of the smart strategy for the development of the capital]. *Vlast* [Power]. 2019, no. 3, pp. 91–95.
3. Vasilenko, I. A. Osobennosti formirovaniya kontseptsii “tsifrovogo pravitelstva” v politicheskoy nauke i perspektivy ee realizatsii v Rossii [Features of the formation of the concept of “digital government” in political science and prospects for its implementation in Russia]. *Gosudarstvennoe upravlenie* [Public administration]. 2020, no. 82, pp. 218–244, doi: 10.24411/2070-1381-2020-10099.
4. Ganichev, N. A., Koshovets, O. B. Tsifrovaya ekonomika Rossii: k strategii razvitiya v usloviyakh sanktsiy [The digital economy of Russia: towards a development strategy in the face of sanctions]. *Problemy prognozirovaniy* [Forecasting problems]. 2022, no. 6, pp. 94–108, doi: 10.47711/0868-6351-195-94-108.
5. Efanova, E.V. Tsifrovizatsiya politiki i elektronnoe golosovanie: osobennosti i natsionalnyy opyt [Digitalization of politics and electronic voting: features and national experience]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the Udmurt University. Sociology. Political science. International relations.]. 2024, vol. 8, no. 2, pp. 242–248, doi: 10.35634/2587-9030-2024-8-2-242-248.
6. Kolodiy, N. A., Ivanova, V. S., Goncharova N. A. Umnyy gorod: osobennosti kontseptsii, spetsifika adaptatsii k rossiyskim realiyam [Smart city: features of the concept, specifics of adaptation to Russian realities]. *Sotsiologicheskyy zhurnal* [Sociological Journal]. 2020, vol. 26, no. 2, pp. 102–123, doi: 10.19181/socjour.2020.26.2.7268.
7. Mikhaylenko, N. V. tsifrovoe gosudarstvennoe upravlenie. Sovremennyye problemy i perspektivy zavtrashnego dnya [Digital public administration. Modern problems and prospects of tomorrow]. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry* [Civil service and personnel]. 2020, no. 2, pp. 171–175, doi: 10.24411/2312-0444-2020-10100.
8. *Nigeriya: tsifrovoe gosudarstvo* [Nigeria: a digital State]. URL: <https://we.hse.ru/irs/cas/passng> (accessed: 29.11.2024).
9. Panfilov, G. O. Elektronnoe uchastie v Rossii pod vozdeystviem tsentralizatsii: dannye monitoringa 2020–2023 gg. [Electronic participation in Russia under the influence of centralization: monitoring data 2020–2023]. *International Journal of Open Information Technologies*. 2023, no. 12, pp. 92–96.
10. Smorgunov, L. V. Tsifrovizatsiya i setevaya effektivnost gosudarstvennoy upravlyaemosti [Digitalization and network efficiency of state governance]. *Politicheskaya nauka* [Political Science]. 2021, no. 3, pp. 13–36, doi: 10.31249/poln/2021.03.01.
11. Khrantsovskaya, N. A. Otkrytoe pravitelstvo SShA: osnovnye idei i praktika realizatsii [The Open government of the USA: the main ideas and practice of implementation]. *Internet i sovremennoe obshchestvo* [Internet and Modern Society]. St. Petersburg: MultiProjectSystemService (MPSS), 2012, pp. 316–322.
12. Shvetsov, A. N. Ot “elektronnogo pravitelstva” k “tsifrovomu gosudarstvu”: smysl i posledstviya novatsiy [From “e-government” to “digital state”: the meaning and consequences of innovations]. *EKO* [ECO]. 2019, no. 12, pp. 8–26, doi: 10.30680/ECO0131–7652-2019-12-8-26.
13. Aferoho, P. et al. Adopting e-government to monitor public infrastructure projects execution in Nigeria: The public perspective. *Heliyon*. 2023, vol. 9, no. 8, pp. 1–17. doi: 10.1016/j.heliyon.2023.e18552.
14. Barcevičius, E. et al. *Exploring Digital Government transformation in the EU – Analysis of the state of the art and review of literature*, EUR 29987 EN, Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2019. Available at: <https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/handle/JRC118857> (accessed: 24.11.2024).
15. Codagnone, C. et al. Institutional isomorphism, policy networks, and the analytical depreciation of measurement indicators: The case of the EU e-government benchmarking. *Telecommunication Policy*. 2015, vol. 39, no. 3–4, pp. 305–319, doi: 10.1016/j.telpol.2015.01.005.

16. Cordella, A., Paletti A. ICTs and value creation in public sector: Manufacturing logic vs service logic. *Information Polity*. 2018, vol. 23, no. 2, pp. 125–141, doi: 10.3233/IP-170061.
17. Evans, R. et al. *Closing the Data Gap: How Cities Are Delivering Better Results for Residents*. The Monitor Institute by Deloitte. Deloitte Development LLC, 2021. Available at: https://results4america.org/wp-content/uploads/2021/06/Deloitte-WWC-Data-Gap-Report_vFinal-063021.pdf (accessed: 30.11.2024).
18. Gasco-Hernandez, M. et al. The role of organizational capacity to foster digital transformation in local governments: The case of three European smart cities. *Urban Governance*. 2022, vol. 2, no. 2, pp. 236–246, doi: 10.1016/j.ugj.2022.09.005.
19. Gong, Y., Yang, J., Shi, X. Towards a comprehensive understanding of digital transformation in government: Analysis of flexibility and enterprise architecture. *Government Information Quarterly*. 2020, vol. 37, no. 3, pp. 1–13, doi: 10.1016/j.giq.2020.101487.
20. Hanelt, A. et al. A Systematic Review of the Literature on Digital Transformation: Insights and Implications for Strategy and Organizational Change. *Journal of Management Studies*. 2021, vol. 58, no. 5, pp. 1159–1197, doi: 10.1111/joms.12639.
21. Herdiyanti, A., Hapsari, P. S., Susanto, T. D. Modelling the Smart Governance Performance to Support Smart City Program in Indonesia. *Procedia Computer Science*. 2019, vol. 161, pp. 367–377, doi: 10.1016/j.procs.2019.11.135.
22. Hernández, A. C. C. et al. Analysis of the e-Government development index in the regions. *Procedia Computer Science*. 2024, vol. 231, pp. 559–565, doi: 10.1016/j.procs.2023.12.250.
23. Hu, J., Zhang, X. Digital Governance in China: Dispute Settlement and Stability Maintenance in the Digital Age. *Journal of Contemporary China*. 2024, vol. 33, no. 148, pp. 561–577. doi: 10.1080/10670564.2023.2261877.
24. Irani, Z. et al. The impact of legacy systems on digital transformation in European public administration: Lesson learned from a multi case analysis. *Government Information Quarterly*. 2023, vol. 40, no. 1, pp. 1–14, doi: 10.1016/j.giq.2022.101784.
25. Jansen, B. et al. Pushing boundaries: An empirical view on the digital sovereignty of six governments in the midst of geopolitical tensions. *Government Information Quarterly*. 2023, vol. 40, no. 4, pp. 1–13, doi: 10.1016/j.giq.2023.101862.
26. Kampen, J. V. *From Plan to Reality: Applications of the European eGovernment Action Plan 2016–2020 on the National and Institutional Level – a Comparison between Germany, the United Kingdom and Estonia*. Master Thesis, The Köln university of applied sciences institute of informatics. Cologne, August 2018. 77 p.
27. Kang, W., Wang, Y. China Digital Governance Development Review Over the Past Two Decades. *International Journal of Public Administration in the Digital Age*. 2018, vol. 5, no. 3, pp. 92–106, doi: 10.4018/IJPADA.2018070107.
28. Kassen, M. *Understanding Systems of e-Government: e-Federalism and e-Centralism in the United States and Kazakhstan*. Lanham, MD: Lexington Books, 2015, 200 p.
29. Kersbergen, K. van, Vis B. Digitalization as a policy response to social acceleration: Comparing democratic problem solving in Denmark and the Netherlands. *Government Information Quarterly*. 2022, vol. 39, no. 3, pp. 1–10, doi: 10.1016/j.giq.2022.101707.
30. Li, S., Kit, C. Legislative discourse of digital governance: a corpus-driven comparative study of laws in the European Union and China. *International Journal of Legal Discourse*. 2021, vol. 6, no. 2, pp. 349–379, doi: 10.1515/ijld-2021-2059.
31. Li, Y., Shang, H. How does e-government use affect citizens' trust in government? Empirical evidence from China. *Information & Management*. 2023, vol. 60, no. 7, pp. 1–21. doi: 10.1016/j.im.2023.103844.
32. Miguel, T. M. The Digital Legal Landscape in South America: Government Transparency and Access to Information. *IFLA 2011*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=1865891> (accessed: 30.11.2024).
33. Neverov, K. Participatory governability under development: The institution of citizen participation as the basis for the design of the “Government as a Platform” in developing countries. *Proceedings of the 19th International Conference on WWW/INTERNET 2020*. 2020, pp. 145–149.
34. Nicolás, M. A., Torres, C. A. R., Catachura, C. K. M. O the development of electronic government in twenty Latin American countries: digital agenda and federal executive websites. *E-Legis – Revista Eletrônica do Programa de Pós-Graduação da Câmara dos Deputados*. 2022, vol. 15, no. 38, pp. 1–28, doi: 10.51206/elegis.v15i38.753.
35. Ninčević Pašalić, I., Čukušić, M., Jadrić, M. Smart city research advances in Southeast Europe. *International Journal of Information Management*. 2021, vol. 58, pp. 1–11. doi: 10.1016/j.ijinfomgt.2020.102127.

36. Qin, B., Qi, S. Digital transformation of urban governance in China: The emergence and evolution of smart cities. *Digital Law Journal*. 2021, vol. 2, no. 1, pp. 29–47, doi: 10.38044/2686-9136-2021-2-1-29-47.
37. Randang, D. M., Djani, W., Rani, L. P. S. Readiness assessment on e-government implementation in the government of Manggarai regency of Indonesia. *Russian Journal of Agricultural and Socio-Economic Sciences*. 2021, vol. 118, no. 10, pp. 105–113, doi: 10.18551/rjoas.2021-10.13.
38. Reshetnikova, M., Vasilieva, G. Smart cities in China: growth driver in the post pandemic world. *SHS Web of Conferences. Globalization and its Socio-Economic Consequences*. 2021, vol. 129, pp. 1–10, doi: 10.1051/shsconf/202112904004.
39. Senna, P. P., Bonnin Roca, J., Barros, A. C. Overcoming barriers to manufacturing digitalization: Policies across EU countries. *Technological Forecasting and Social Change*. 2023, vol. 196, pp. 1–19, doi: 10.1016/j.techfore.2023.122822.
40. Shen, X. et al. Digital economy and ecological performance: Evidence from a spatial panel data in China. *Frontiers of Environmental Science*. 2022, vol. 10, pp. 1–19. doi: 10.3389/fenvs.2022.969878.
41. Tang, T., Ho, A. T.-K. A path-dependence perspective on the adoption of Internet of Things: Evidence from early adopters of smart and connected sensors in the United States. *Government Information Quarterly*. 2019, vol. 36, no. 2, pp. 321–332, doi: 10.1016/j.giq.2018.09.010.
42. *The E-Leaders Handbook on the Governance of Digital Government, OECD Digital Government Studies*. Available at: <https://doi.org/10.1787/ac7f2531-en> (accessed: 30.11.2024).
43. *Twenty years of making government more accessible through the E-Government Act*. Available at: <https://www.gsa.gov/blog/2022/12/29/twenty-years-of-making-government-more-accessible-through-the-egovernment-act> (accessed: 16.11.2024).
44. Ummah, A., Maryam, S., Wahidin, D. T. S. E-Government Implementation to Support Digital Village in Indonesia: Evidence from Cianjur Village, Bogor Regency. *Jurnal Studi Sosial dan Politik*. 2022, vol. 6, no. 2, pp. 245–259, doi: 10.19109/jssp.v6i2.14038.
45. *United Nations e-Government Survey 2024: Accelerating Digital Transformation for Sustainable Development - with the Addendum on Artificial Intelligence*. Bloomfield: United Nations Research Institute for Social Development, 2024. 205 p.
46. Wijermars, M. The Digitalization of Russian Politics and Political Participation. *The Palgrave Handbook of Digital Russia Studies*. Ed. by D. Gritsenko, M. Wijermars, M. Kopotev. Cham: Springer International Publ.; 2021, pp. 15–32.
47. Wu, S., Abramson, D. B., Zhong, B. Digital governance in rural Chengdu, China: Its potential for social-ecological resilience. *Frontiers in Sustainable Cities*. 2022, vol. 4, pp. 1–12. doi: 10.3389/frsc.2022.736965.
48. Yao, S. A Review on the Research of Digital Governance Theory in China. *2020 Conference on Social Science and Natural Science (SSNS2020)*. 2020, pp. 912–918.
49. Zakrzewska, M., Miciuła, I. Using e-government services and ensuring the protection of sensitive data in EU member countries. *Procedia Computer Science*. 2021, vol. 192, pp. 3457–3466, doi: 10.1016/j.procs.2021.09.119.

Информация об авторе

Никифоров А. А. – кандидат политологических наук.

Information about the author

Nikiforov A. A. – Candidate of Political Sciences.

Статья поступила в редакцию 03.12.2024; одобрена после рецензирования 24.12.2024; принята к публикации 27.12.2024.

The article was submitted 03.12.2024; approved after reviewing 24.12.2024; accepted for publication 27.12.2024.